

Содержание

Предисловие	9
ВВЕДЕНИЕ	11
Цели и перспективы	11
Древнеиндийский язык	14
Выбор русского языка	15
Основные источники	16
Санскрит и романтический национализм	17
Санскритско-славянские сравнительные исследования в России	20
ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ И ФОНЕТИКА САНСКРИТА	23
Латинская транслитерация	23
Фонетика санскрита	24
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД	29
Основные исторические звуковые соответствия для некоторых ин- доевропейских языков	29
ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОВАРЯ	31
Построение словарной статьи	31
Заглавная часть	31
Комментарий	32
Система условного рейтинга	35
СЛОВАРЬ	37
Принятые сокращения	38
Языки	38
Языковедческие термины	39
Прочие	40
Условные знаки	41
Слова с рейтингом 5–3	43
А	43
Б	44
В	73
Г	116
Д	133
Е	164

Ж	168
З	175
И	188
К	195
Л	214
М	229
Н	253
О	266
П	276
Р	315
С	334
Т	384
У	400
Х	408
Ц	410
Ч	411
Ш	421
Щ	425
Э	426
Ю	427
Я	428
Слова с рейтингом 2–1	431
А	431
Б	434
Й	436
К	437
Л	439
Н	439
Р	440
С	440
Ч	443
Ш	443
Я	444
СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ	445
Слова с рейтингом 5–3	445
Слова с рейтингом 2–1	453
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	455

Предисловие

Дорогие читатели!

Эта книга — результат десятилетних исследований. Начиналась она со скромного списка русских и санскритских однокоренных слов, демонстрирующих поразительное сходство как по форме, так и по значению, но по мере того как список становился всё больше и больше, простая сопоставительная таблица превращалась во всеобъемлющую электронную базу данных.

Решение сделать из этого массива данных полноценный словарь возникло в результате положительной реакции широкой публики на несколько небольших списков родственных слов, первоначально опубликованных в блогах. Тема вызвала всеобщий интерес, так как оказалась не только увлекательной, но и крайне политизированной. Очевидная потребность в непредвзятом, объективном и научно обоснованном ответе на этот общественный интерес и привела к идее создания нашего сравнительного словаря. Для объяснения причин изначальной политизации сравнительного индоевропейского языкознания в Введение добавлены разделы «Санскрит и романтический национализм» и «Санскритско-славянские сравнительные исследования в России».

Впервые проект под рабочим названием «Русско-санскритский словарь общих и родственных слов» был публично представлен 25 октября 2015 года в Москве на памятном собрании, посвящённом 85-летию со дня рождения академика О.Н. Трубачёва. Это событие стало для меня поворотным моментом, поскольку привело к началу сотрудничества с замечательным этимологом А.К. Шапошниковым, ставшим впоследствии соавтором словаря. Его неоценимый опыт поднял проект на новую высоту, позволил критически проанализировать данные и выработать правильный научный подход. Заложенные Шапошниковым принципы организации словаря, научная методология и инновационная система рейтинговых соответствий подробно описаны в разделе «Организация словаря».

Перед нами стояла непростая задача: соблюсти баланс между академической строгостью и доступностью для широкого круга читателей. Решение выдано в создании единой структуры словарной статьи с разделением заглавной части и комментария. Графическое соположение русских и санскритских слов в заглавной части значительно облегчает сравнение и довольно наглядно демонстрирует родство сравниваемых слов даже для неспециалистов.

В комментарии помещены уже более подробные сведения об истории и особенностях сравниваемых слов, что требует некоторых специальных знаний, хотя мы и старались упростить, насколько это допустимо, его текст. Так, для удобства пользования словарем в книгу добавлена глава «Транслитерация и фонетика санскрита», а в самой словарной статье рядом с древнегреческими примерами даётся их латинская транслитерация.

Всё это было призвано сделать наш словарь не только актуальным для специалистов, но и более доступным для широкого круга читателей, интересующихся историей и этимологией слов русского языка или изучающих санскрит.

Тяжёлым ударом для всего проекта стала безвременная кончина в 2021 году А.К. Шапошникова. Однако его наследие, сохранившееся в виде многочисленных комментариев к словарным статьям, позволило продолжить, хотя и в несколько ограниченном объёме, работу над словарем, завершить его и подготовить к публикации. Теперь читателям предстоит оценить, удалось ли нам достигнуть своей цели.

К.Л. Борисов

ВВЕДЕНИЕ

Цели и перспективы

Сбор, обработка и систематизация языковых фактов — основные задачи лексикографии, которые уже сами по себе являются достойной целью данной работы. Принципы отбора материала и построения словарной статьи: значительный объем сравниваемых лексем, представленных в полнолексемном, а не корневом формате; система их разделения по формальному «рейтингу»; вывод современных русских заглавных слов на праславянские формы — всё это и многое другое создаёт предпосылки для более эффективного применения методов статистического анализа. Преимущества охвата максимально большего количества лексем по сравнению с использованием ограниченных и зачастую произвольно составленных глоттохронологических «списков» подробно описаны А. Ф. Журавлёвым [Журавлёв 1994: 44–49].

Хотелось бы также отметить важность предлагаемого словаря и для решения некоторых фундаментальных вопросов славяноведения и славянского исторического языкознания¹.

Проблема этногенеза славян и происхождения славянских языков остается открытой и по сей день. Есть несколько конкурирующих теорий и по поводу славянской, и по поводу индоевропейской прародин, однако мало кто сомневается, что истоки как славянских, так и индоиранских языков следует искать в Восточной Европе.

Даже весьма поверхностный анализ особенностей полнолексемных славяно-санскритских сопоставлений, собранных в нашем словаре, создаёт картину, в полной мере соответствующую выводам А. Мейе, что (общеславянский язык, который «продолжает... без какого-либо перерыва развитие общеиндоевропейского языка», представляет собой «индоевропейский язык, сформировавшийся в результате длительного употребления, глубоко изменённый многими влияниями, но в целом сохранивший архаический тип» [Мейе 2001: 14].

Таким образом, подтверждаются и гипотеза Томаса Барроу о некогда действительно существовавшем родстве «между древним индоиранским и теми диалектами индоевропейского, которые в конечном счете развились в балтийские и славянские языки» [Барроу 1976: 22], и такое положение О.Н. Трубочёва (выдвинутое в рамках его общей концепции), как «самобытный генезис праславянского в качестве индоевропейского диалекта (или группы диалектов)» [Трубочёв 2003: 136].

¹ Эта глава представляет собою расширенный текст статьи «Опыт создания словаря общих и родственных слов русского и санскрита» [Борисов–Шапошников 2018].

В результате методического разделения родственных и общих слов русского и санскрита на группы по рейтингам отчетливо проявились характерные черты лексических слоёв разного хронологического и пространственного происхождения. Проступившие, будто на негативе, контуры различных лингвогеографических очертаний наслоились друг на друга. Хронологический охват этих наслоений — почти 4000 лет. Последовательное снятие таких лексических напластований выявляет любопытную картину глоттогенеза.

В историческую эпоху при посредстве многих других языков, в том числе и неиндоевропейских, продолжалось пополнение славянского и русского лексических фондов словами индоарийского происхождения (*веды, гуру, йога, калюга, карма, кашемир, нирвана, сансара, сари, чакры, шаль, шаман* и мн. др.).

Еще до заимствований из индийских языков (чаще всего из буддийского санскрита) при посредстве языков тюркской группы (с последней трети VI в. н.э.) в позднепраславянском уже могли оказаться некоторые индоарийские заимствования, проникшие через туранские и иранские языки.

Известно, что после 125–100 гг. до н.э. в ареал праславянского языка (Потисье) вторгались носители туранской группы (аланы, языги). По целому ряду фonomорфологических признаков лексика, заимствованная в праславянский из туранских диалектов (ясских, аланских), различима в праславянском лексическом фонде и легко отделима благодаря фonomорфологической адаптации: *ворсь* ← *varsa*, *гуня* ← *gauṇya*, *дрьнь* ← *ardyn*, *парогъ* ← *frarog*, *соха* ← *saxa* и др.²

Ещё раньше, около 517–515 гг. до н.э. (походы Дария на скифов), в ареал раннепраславянского языка проникали носители древнеперсидского языка иранской группы. Этот языковой тип к тому времени уже вполне сформировался, зачастую заимствования из него настолько адаптированы в праславянском, что с трудом отделимы от исконной лексики. К примеру, слова *богъ* ← *baga*, *храна* ← *hvarno*, *хвала, хула* ← *hvara*, *морда* ← *mrd*, *шапхити* ← *paθraia*, *шапхити* ← *xšaθraia*, *едукаръ* ← *yadu kara*. Наконец, замечены некоторые заимствования без посредников в древнерусский язык и восточнославянские диалекты из каких-то индоарийских диалектов, видимо в Подунавье и Северном Причерноморье: *Авсень, Ингул, Карна, конопля, Сварог, серебро, трапан, янтарь* и др. Эти слова не имеют признаков иноязычной адаптации прежде вхождения в праславянский и восточнославянский лексические фонды. Но где и когда предковый вид русского языка (праславянский) мог напрямую контактировать с предковым видом индоарийских диалектов, родственных санскриту и языку Вед? Приходится искать ответ на этот вопрос в обобщениях историков праславянского языка.

Праславянский диалект, видимо, обособился и сформировался в Потисье (водосборный бассейн реки Тиса) и Закарпатье. Одновременно с ним соседний празападнобалтийский (будущий прусский) обособился и сформировался в Прикарпатье и Верхнем Поднестровье. Уже к середине I тыс. до н.э. начался процесс ареального схождения праславянского и празападнобалтийского, но состоянию обособленного существования и того и другого предшествовала тысячелетняя эпоха их развития в едином языковом палеобалканском ареале от провинции Европа до Потисья и Поднестровья. Уже в XIII–VII вв. до н.э. в обширный ареал праскифо-балто-славянского языка проникали носители

² Подробный обзор работ по древнейшим славяно-иранским языковым отношениям см. [Зализняк 1962].

«индоиранских» диалектов. Кроме того, в Северном Причерноморье долго существовал ареал синдо-меотского языка, который также скорее относится к индоарийской, чем к иранской или туранской группе, см.: [Трубачёв 1999; Шапошников 2003; 2005]. В этих диалектах ещё отсутствовали характерные черты исторических иранской и туранской общностей, а по внешнему виду заимствованные лексемы из сигюннского в праславянский (*Авсень* ← *aśvin*, *Ингул* ← *hingula*, *конопля* ← *kaṇa piye*, *Карна* ← *karīna*, *Сварогъ* ← *svarga*, *серебро* ← *śubhra*, *янтарь* ← *yantar*) выглядят как прямые заимствования из индоарийских диалектов. Эти языковые контакты привели к появлению в праславянском лексическом фонде целой группы лексических заимствований, проникновений, адаптированных заимствований.

Все включённые в словарь соответствия из вышеприведенных групп получают рейтинг 1 или 2 (см. ниже о системе присвоения рейтингов). Однако самое интересное, что вскрывает наш словарь, — значительный по объему лексический фонд не только генетически родственных, но и общих по словообразованию (тождественных словообразовательных моделей) слов праславянского и русского языков и санскрита (ведийского). Данный лексический фонд не может быть объяснён ни как заимствованный при посредстве других языков, ни как заимствованный в результате прямых контактов с носителями индоиранских языков и диалектов Северного Причерноморья и Среднего Подунавья. Скорее, он являет собой некое общее наследие генетически единого происхождения, к тому же образованное в каком-то совсем ином языковом ареале или даже языковом союзе, нежели балкано-карпатский ареал и языковой союз.

Рейтинг 3 получают лексемы генетически родственные, но не симметричные ни по качеству и (или) количеству морфем, ни по словообразовательной модели. Они удостоверяют, что ко времени активного взаимовлияния предковых видов славянского и санскрита эти языки уже прошли некоторый этап самостоятельного, обособленного развития фонеморфологического наследства восточноиндоевропейского праязыка. Они являются бесценным свидетельством, что предковый вид славянских языков и предковый вид индоарийских языков произошли от единого восточноиндоевропейского диалекта праязыка, но затем существовали обособленно в разных языковых ареалах и лишь позднее опять оказались в едином ареале, вероятно, в условиях языкового союза. Перед нами схождение в едином языковом союзе исконно родственных языков после периода раздельного самостоятельного существования.

К рейтингу 4 отнесены лексемы генетически родственные и симметричные по словообразовательной модели, но не вполне симметричные по качественно-количественным характеристикам морфем (например, различаются по огласовке корней или аффиксов). Мы словно присутствуем при таинстве совместного словотворчества очень давней эпохи. В этом лексическом комплексе очевидна ведущая роль предкового вида санскрита.

Наконец, высший рейтинг 5 присваивается лексемам, которые не только образованы из генетически родственных морфем (префиксы, корни, суффиксы, флексии), но и полностью симметричны по качественно-количественным характеристикам морфем (ступени корневого вокализма, огласовка аффиксов) и словообразовательных моделей. Современный этап сравнительного языкознания предполагает большую убедительность именно цельнолексемных,

а не корневых соответствий. Вероятностная достоверность целнолексемного сравнения (весь комплекс корней, приставок, аффиксов, инфиксов, суффиксов, флексий сравниваемых слов) значительно выше корневого сравнения. Эти замечательные слова являются общим лексическим и культурным наследием отдалённой эпохи теснейшего языкового союза в рамках относительно компактного ареала. Более того, группа лексики с рейтингом 5 свидетельствует о немаловажном обстоятельстве схождения двух родственных индоевропейских языков, имеющих общее происхождение, но прошедших периоды раздельного бытования. Это схождение предкового вида русского языка с предковым видом санскрита предшествовало по времени языковым контактам их дочерних видов в палеобалкано-карпатском ареале и развивалось в некоем ином, непривычном для современного исследователя, ареале.

Древнеиндийский язык

Под общим названием *древнеиндийский язык* понимают группу древних индоарийских языков, входящих в более обширную индоиранскую ветвь индоевропейской семьи языков с центром в районе сегодняшней провинции Пенджаб (ныне разделённой между Пакистаном и Индией) и северной части долины реки Инд. Полагают, что именно здесь окончательно сформировался древнейший из засвидетельствованных индоиранских языков, известный как *санскрит*³.

У названия *санскрит* есть два значения. В широком смысле слова санскрит практически соответствует термину «древнеиндийский язык», включая в себя как древнейшие, так и все более поздние известные формы литературного индоарийского языка. В узком смысле — это конкретная форма литературного древнеиндийского языка, подробно описанная и зафиксированная в сочинении «Аштадхьяи» (*Aṣṭādhyāyī*) или «Восьмикнижие» древнего грамматика Панини примерно в V в. до н.э.

Название *санскрит* производно от приставочного глагола *sam-s-kr-* ‘соединять, хорошо устраивать, сочинять, совершенствовать’ и буквально переводится как ‘упорядоченный, обработанный, доведённый до совершенства’. Этот упорядоченный литературный язык принято также называть «классический санскрит».

Основой для него стал более древний язык, на котором были сочинены гимны (мантры) «Ригведы» (*ṛg-vedā* — составное слово из *ṛc-* ‘восхваление, гимн, речь’ и *veda* ‘знание истинное и священное’), поэтому этот язык называют «ведийский». Точное время создания гимнов неизвестно, но большинство исследователей датируют наиболее ранние части «Ригведы» серединой или концом II тыс. до н.э. Таким образом, ведийский язык и классический санскрит разделяет почти тысяча лет.

Уже в те далекие времена ведийский представлял собой в определённой степени искусственный язык и являлся принадлежностью сословия жрецов, передаваясь из поколения в поколение исключительно устным путём. Как и любой

³ При написании этого раздела использовались следующие источники: [Елизаренкова 1987; Bloch 1965; Burrow 1955; Gonda 1971; Macdonell 1916; Witzel 1989].

язык, ведийский не был однороден и состоял из нескольких диалектов, развиваясь и изменяясь во времени. Язык позднейших сочинений, относимых к позднему ведийскому периоду («Араньяки», «Упанишады»), приближается к классическому санскриту.

Что касается словарного фонда, являющегося объектом нашего исследования, то самую большую ценность представляет лексика ведийского языка, наиболее близко стоящая к реконструируемому индоевропейскому словарю. Именно среди этого древнейшего слоя находятся большинство соответствий, причисляемых к рейтингам 5 и 4 словаря. При этом нужно понимать, что словарный запас ведийского, засвидетельствованный в священных гимнах, весьма специфичен. Он изобилует высокопарными эпитетами, но в нём ожидаемо скудно отражены названия предметов, животных, растений и других повседневных реалий, если только они не использовались в религиозных обрядах. Особенно ценны ведийские глаголы, хорошо сохранившие древнейшую морфологию и древние исходные значения, не затемнённые более поздним вторичным семантическим развитием.

Важным источником бытовой лексики является вариант санскрита, в несколько большей степени отражающий живой язык. Его принято называть «эпический санскрит», поскольку он дошел до нас в грандиозных эпических поэмах «Махабхарата» и «Рамаяна». Точная датировка языка поэм затруднительна, но по форме это несомненно санскрит, хотя и часто нарушающий правила классической грамматики Панини.

Многочисленные сочинения, созданные на классическом санскрите в период от последних веков до нашей эры до сегодняшних дней, содержат множество слов, созданных в ходе как словотворчества из исходных ведийских слов путем переосмысления (иногда из неверно истолкованного значения), словосложения, добавления префиксов и суффиксов и т. д., так и заимствований из живых форм древнеиндийского (пракриты — предшественники современных индоарийских языков) и из местных неарийских — дравидийских, мунда и др. Кроме того, ввиду особого понимания древними грамматиками глагольных основ как источника всех остальных слов, создавались особые искусственные глаголы, исключительная цель которых — обоснование происхождения некоторых важных ведийских слов.

Такие новообразования можно лишь весьма условно использовать в сопоставительных целях. Будучи вторичными, они представляют меньшую ценность для сравнительного исследования. Многие слова с рейтингом 3 относятся именно к этому вторичному слою лексики. Иногда среди них встречаются слова или значения, по разным причинам не засвидетельствованные в ведийском или эпическом санскрите.

Выбор русского языка

Выбор именно русского языка нашего словаря обусловлен прежде всего общей направленностью на русскоязычного читателя. Кроме того что русский — наиболее распространённый из славянских языков, он — вместе с другими восточ-

нославянскими языками — ближе всех расположен к предполагаемому историческому ареалу индоиранских языков.

Основным принципом построения сравнительного словаря мы считаем сравнение подобного с подобным. Санскрит в широком смысле слова как условное название языка, объединяющего ведийский язык, засвидетельствованный в гимнах «Ригведы», и более поздние его диалекты вплоть до современности, нельзя назвать в полной мере мёртвым языком. Санскрит сегодня — один из государственных языков Индии. Таким образом предоставляется редчайшая возможность использования его одновременно и для синхронического и для диахронического сопоставления с современными языками.

Также немаловажно, что литературный русский язык сформировался как из нескольких древнерусских диалектов, так и под сильным языковым влиянием церковнославянского, впитав в себя большой пласт и той и другой лексики. В этом отношении его можно в некоторой степени сравнить с санскритом (в широком понимании), также объединяющим в себе многочисленные временные и диалектные пласты. Конечно, для создания полного корпуса славяно-санскритских сходжений в идеале нужно было бы максимально привлечь лексический материал остальных славянских языков, а также древнеиранского (авестийского). Частично эта задача решается добавлением в комментарии — там где это возможно — ссылок на иранские и остальные восточнославянские языки.

К сожалению, ограниченный объем словаря, изначально задуманного как однотомное издание, не позволяет в полной мере приводить родственные слова из иных славянских языков (болгарский, словенский, сербский, чешский, польский и др.), но они уже содержатся в электронной базе словаря и будут включены в планируемое расширенное издание. В настоящем издании мы приводим лишь самые характерные примеры из современных и древних индоевропейских языков. В первую очередь это близкие славянским балтийские языки (прусский, литовский, латышский). Также привлекаются классические (древнегреческий и латинский), германские и по возможности тохарский и хеттский языки.

Важно отметить, что объектом сравнения выступают не современные, а реконструированные праславянские формы, дающиеся в соответствии с материалами Этимологического словаря славянских языков [ЭССЯ]. Таким образом, между исследуемыми языками значительно уменьшается временной разрыв.

Основные источники

Как говорилось ранее, русско-санскритские сопоставления разбросаны по многочисленным работам этимологов, подавляющее их большинство приходится на период середины XIX — начала XX вв. Особенно следует отметить работы Карла Бругмана, Антуана Мейе и Кристиана Уленбека [Brugmann 1891; Meillet 1895; 1926; Uhlenbeck 1898]. Однако наиболее полно русско-санскритские родственные связи представлены в этимологических словарях. Среди них важное место занимает немецкое издание «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера [Vasmer 1958] и его русский перевод, сделанный и дополненный О.Н. Трубачевым [Фасмер]. Словарь Фасмера ценен тем, что объединяет

результаты работ этимологов раннего периода, многие из которых сейчас труднодоступны. Большой вклад внёс Б.Л. Огибенин, написавший к нему комментарии, многие из которых относятся к уточнениям индоиранских связей русской и славянской лексики [Oguibénine 2016; 2023].

Несомненно, особое значение имеет монументальный «Этимологический словарь славянских языков», работа над которым, начатая в 1961 г. под руководством академика О.Н. Трубачёва (1930–2002), продолжается и в наши дни, см.: [ЭССЯ]. Отсутствие ещё не вышедших выпусков ЭССЯ частично компенсируется имеющимися этимологическими словарями русского языка: Н.М. Шанского и А.Ф. Журавлёва, П.Я. Черных, А.К. Шапошникова, А.Е. Аникина и др. [ЭСРЯ; Черных³; Шапошников; Аникин].

Основным источником санскритской лексики был выбран «Санскритско-английский словарь» Моньера Уильямса [Monier-Williams 1899]. Значения санскритских слов, за редким исключением, по этому словарю. Привлекались также другие санскритские словари [Böhtlingk 1855–1875; Maurya KEWA; Wilson 1832]. Полный перечень используемых источников приведён в разделе библиографии.

Санскрит и романтический национализм

Становление индоевропейского сравнительного языкознания прошло долгий и непростой путь. Для правильного понимания не только его нынешнего состояния, но и некоторых связанных с ним современных социальных процессов, развивающихся в России и в странах так называемого ближнего зарубежья, очень важно знать причины, историю и обстоятельства появления взаимосвязанных мифологем «божественный санскрит», «арийцы/арьи» и «арийская раса»⁴.

Открытие европейскими филологами санскрита и его близости к классическим языкам античности — греческому и латинскому — стало толчком к созданию новой науки — индоевропейского сравнительного языкознания. Исходной её точкой принято считать часто цитируемое высказывание британского востоковеда и основателя Британского азиатского общества Уильяма Джонса (1746–1794):

Санскритский язык, какова бы ни была его древность, имеет замечательную структуру: более совершенную, чем греческий, более богатую, чем латинский, и более утонченную, чем любой из них, и в то же время обладает столь близким сходством с этими языками как в глагольных корнях, так и в грамматических формах, что это вряд ли может быть случайностью. Сходство это так велико, что ни один филолог, исследующий эти три языка, не усомнится в том, что они произошли из общего источника, возможно, уже не существующего...⁵ [Jones 1799: 26].

Джонс предположил, что аналогичное родство с санскритом, правда менее выраженное, имеют готский, кельтский и персидский языки. Хотя сам ученый

⁴ Большая часть этого раздела включает авторский перевод англоязычной статьи «Антун Миханович и его вклад в сравнительные исследования славяно-санскритских языковых отношений», см.: [Borissoff 2015].

⁵ Перевод с англ. К.Л. Борисова.

не пошёл дальше и не провёл строгого и детального сравнения, его открытие совпало с возникновением в Европе в начале XIX в. идейно-художественного направления, получившего название *романтизм*. Важную роль в становлении романтизма сыграли такие яркие философы того времени, как Жан-Жак Руссо (1712–1778), Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803) и Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814).

По ряду исторических обстоятельств романтизм получил особое развитие именно в германских землях, где по политическим причинам он быстро начал приобретать националистические черты. Священная Римская империя германской нации, сформировавшаяся в начале 1500-х гг. из многочисленных небольших, в основном германоязычных, земель, распалась в период наполеоновских войн (1800–1815). На смену ей пришел довольно аморфный Германский союз, сделавшийся ареной упорной борьбы между быстро набиравшими силу Пруссией и Австрийской империей. Результатом этого соперничества явилось усиление движения по объединению германских земель. В этих условиях идея языка, воспринимавшегося в ту пору как материальное воплощение национальной самобытности, превратилась в важнейший политический фактор, чему в немалой степени способствовали вполне гуманистические рассуждения Гердера о национальном государстве, «национальном духе» и языке — носителе этого духа. Язык представлялся ему «великой сокровищницей богатств, где хранятся знания» [Herder 1821: 9].

Гердер стал не только основоположником идеи национального государства, но и приобрел известность как автор философских трактатов и литературоведческих работ. Среди них мы главным образом отметим эссе «Об одной восточной драме»⁶, написанное в виде рецензии на первый немецкий пересказ классической индийской пьесы «Шакунтала», выполненный Георгом Форстером [Kalidasa 1820] по английскому переводу с санскрита, сделанному Уильямом Джонсом [Kalidasa 1875]. Гердер высоко оценил это произведение.

Изящный романтический и мистический сюжет пьесы как нельзя лучше соответствовал романтическому настрою немецкой элиты того времени — это восприятие было сразу перенесено как на всю индийскую культуру, так и на санскритский язык. Похожее влияние испытывал и Фридрих Вильгельм фон Шлегель (1772–1829), который в своей книге «О языке и мудрости индийцев» не только впервые сравнил немецкий язык с санскритом, но и смело поставил его в один ряд с классическими языками [Schlegel 1808]. При этом он отрицал аналогичную близость санскрита с армянским, славянскими и кельтскими языками, называя подобное родство «очень малозначительным». Равным образом, по мнению Шлегеля, именно Индия была истоком всех «цивилизированных народов» (греков, римлян и, конечно, германцев), а древнеиндийский язык — санскрит — надлежало считать «божественным языком». Следовательно, прямое родство любого языка с санскритом ставило его заведомо выше остальных языков, см.: [Tzoref-Ashkenazi 2006: 732].

Неудивительно, что среди германских интеллектуалов труд Шлегеля сразу возбудил невероятный интерес, однако по несчастному стечению обстоятельств

⁶ «Ueber ein morgenländisches Drama» (1792).

его публикация совпала с выходом в свет книги, привлёкшей к себе не меньшее внимание и ставшей предметом столь же бурного обсуждения — сочинении Иоганна Готлиба Фихте (1762–1814) «Речи к немецкой нации» («Ueber ein morgenländisches Drama»), в которой автор прямо заявляет об особом положении немецкого языка и немецкой нации среди прочих тевтонских народов:

Таким образом, ближайшая наша задача — найти основную черту, отличающую немцев от других народов германского происхождения, — теперь решена. Это различие возникло сразу при первом же разделении общего племени, и заключается в том, что немец говорит на языке, который оставался живым с тех самых пор, как впервые проистек из силы природы, все же прочие германские племена — на таком языке, который лишь на поверхности подвижен, в корне же своем мертв [Фихте 2020: 76–77].

Сначала вполне безобидные и смутные романтические идеи: о национальном государстве, о великом народе древней Индии; о «божественном языке» санскрите как прямом источнике великого и уникального немецкого языка; об особом национальном характере немцев — со временем слились в одно целое и заложили основы идеологии германского национализма.

С этого времени немецкий язык начал прочно связываться с «индо-германским праязыком», который восстанавливался немецкими лингвистами той эпохи по образу и подобию санскрита. Эта заявленная неразрывная связь использовалась как один из важнейших доводов для объявления немецкой нации «народом» (*Volk*) с особой историей и предназначением:

В XIX веке для немцев этот термин [*Volk*] значил много больше, чем буквальный его перевод словом «народ»: оно означало национальное единство, одушевляемое общей творческой энергией. Предполагалось, что эти метафизические качества определяют уникальный культурный статус немецкого народа [Гудрик-Кларк 1993: 3].

В самом начале движение немецкого «народничества» (*Volkstum*) воспринималось как революционно-освободительное, направленное против доминирования наполеоновской Франции, династий и католической церкви, но уже вскоре оно приобрело явные националистические, шовинистические и расистские черты. Расизм и элитизм стали неотъемлемыми чертами эзотерических систем (*арманизма* Гуидо фон Листа и *ариософии* Йорга Ланц фон Лейбенфелса), возникших в Австрии в период с 1890-х по 1930-е гг. В центре этих движений были «ариогерманцы» как самые чистокровные потомки мифической расы «арийцев», которые якобы имели естественное право на мировое господство уже по своему «арийскому» происхождению.

Эта идеология способствовала бурному росту исследований в области филологии и сравнительного исторического языкознания но, в конечном счете, она послужила одной из причин, приведших Германию в первой половине XX в. к величайшей национальной катастрофе.

К сожалению, тёмное наследие нацизма, омрачившего начальный период развития индоевропейского языкознания, не только не исчезло, но и продолжает находить всё новых последователей. Нельзя забывать уроков истории, а языкознание не должно использоваться для создания мифов о превосходстве тех или иных народов и языков. Напротив, оно призвано показать изначальное единство и их общие корни, уходящие в многотысячелетнюю историю.

Санскритско-славянские сравнительные исследования в России

Идеология национал-романтизма и связанные с ней идеи о национальных государствах, национальном духе и представлении санскрита как «божественного праязыка цивилизованного человечества» быстро распространились в Европе, не обойдя стороной и Россию. Уже вскоре после выхода труда Шлегеля «О языке и мудрости индийцев» появилась анонимная заметка, в которой автор, очевидно уязвленный тем, что Шлегель так низко поставил славянские языки по отношению к санскриту, резонно указал на 42 санскритских слова из работы Шлегеля как на «ярчайшие и наиболее естественные» соответствия русским словам — «без обращения к принудительным отношениям, которыми этимологи любят вооружаться, чтобы защищать свое дело»⁷.

Немного позже российский языковед немецкого происхождения Фёдор Павлович Аделунг (1768–1843) анонимно издаёт в виде брошюры на французском языке свою статью «Сходство между санскритским и российским языком»⁸, в которой приводит около 150 схожих русских и санскритских слов, а в предисловии уподобляет изучение санскрита свету, освещающему путь ученых в сравнении языков [Adelung 1811: 3]. Работа вызвала настолько бурный отклик, что Императорская Российская академия поручила советнику коллегии иностранных дел Ивану Ивановичу Леванде (1769–1828) написать на неё рецензию, с чем он весьма профессионально справился и в связи с этим был удостоен в 1806 г. членства в Академии.

Отдавая должное «безымянному» автору, который первым начал сравнивать славянский язык с санскритским и нашёл между ними сходство, Леванда утверждал, что «коренным» языком для сравнения полагалось бы считать «скифский, до потопа существовавший, единый, коим, кажется, говорили прежде рассеяния по всей земле...»⁹ [Леванда 1812: iv], сохранившийся, по его мнению, хотя и в искажённом виде, в разных языках — арабском, зендском и древнеперсидском. Показательна, однако, заключительная фраза, что «прямой пользы [от открытия сходства русского и санскрита] для успехов самого языка не предвидится», но что оно «чрезвычайно полезно для истории народов и вселенной, покрытой и по сие время непроницаемою тьмою» [Там же: ix]. Заключение это надолго охладило интерес российских ученых к этой теме, тем более что в Российской империи того времени идея романтизма так и не получила распространения.

В России сравнительно-историческое языковедение начало активно развиваться уже в 1820-е гг., но всё внимание ученых сосредоточилось на

⁷ Etymologies slavonnes tirées du Samscrit // Fundgruben des Oriens. Bearbeitet durch eine Gesellschaft von Liebhabern. Bd. 1. Wien: Gedruckt bey A. Schmid, 1809. S. 459–460. Авторство приписывалось некоему графу Т. Головкину [Adelung, F. v. An historical sketch of Sanscrit literature. Oxford: D. A. Talboys, 1832] или графу Ф. Головкину [Kraszewski J. I. Nowe studja literackie. T. 1, 1843], но возможно, заметка была написана Юлиусом Клапротом, который регулярно публиковался в этом журнале.

⁸ См. пер. на рус. яз.: О сходстве санскритского языка с русским. Поднесено Императорской Российской академии / Пер. с фр. П. Фрейганга. СПб.: Имп. тип., 1911.

⁹ Здесь и далее приводится в современной орфографии.

сравнительном анализе славянских языков. Общее направление на долгие годы было задано трудами Александра Христофоровича Востокова (1781–1864), в первую очередь его «Рассуждением о славянском языке» [Востоков 1820]. Общеисторический аспект, вопросы генезиса индоевропейских языков и проблема языка-источника мало занимали русских языковедов той эпохи, см.: [Сусов 1999]. В этих вопросах они в целом следовали в фарватере главенствующей в то время немецкой парадигмы, что объясняет отсутствие работ по непосредственному сравнению славянского и санскрита.

Кроме того индология, не будучи движимой в России политическими причинами, не получила здесь такого развития, как в Германии и Западной Европе. Несмотря на то что самый большой санскритский словарь того времени Отто фон Бётлингк был опубликован в Санкт-Петербурге [Böhtlingk 1855–1875], целенаправленно и систематически сравнением русского и санскрита никто не занимался. Исключение составила изданная в 1853 г. в Санкт-Петербурге монография «О сродстве языка славянского с санскритским» — объемный труд славяноведа и фольклориста Александра Федоровича Гильфердинга (1831–1872). К сожалению, Гильфердинг не являлся специалистом в индоевропейской компаративистике и не мог использовать в работе уже установленные к тому времени базовые принципы звуковых соответствий. Слова выбирались им только на основе внешнего фонетического сходства. Помимо всего прочего, работу затрудняло то обстоятельство, что в его время ещё не появились по-настоящему полные санскритские словари.

Гильфердинг, будучи истинным славянофилом, стремился сделать возможно больший список сходжений, чтобы сильнее подчеркнуть особое положение славянских языков, поскольку, по его мнению, они были наиболее близки к такому древнему языку, как санскрит. В результате большое количество ошибок и неточностей практически свело на нет значение его монументальной работы. При этом стоит отметить и некоторые её положительные стороны. Так, например, обширные знания в области славянских языков и диалектов помогли Гильфердингу найти ряд интересных примеров, которые иначе могли бы ускользнуть от внимания современных этимологов. Эта удивительная по масштабу работа ещё ждет серьёзного исследования.

С изменением в начале XX в. общего акцента в лингвистических исследованиях с исторического и диахронического аспекта на синхронический с преобладанием структуралистского подхода в лингвистике интерес к исследованию санскритско-славянских отношений практически исчез. Это было отчасти вызвано и общей «маргинализацией востоковедения» в СССР, причинами которой стали разрыв исторической преемственности с дореволюционным востоковедением и связей с мировой наукой, запрет на исследования в области духовной культуры, философии, религии и утрата представления о целостности востоковедческих исследований, см.: [Десницкая 2020]. Сказались также крайняя политизированность вопроса индоевропейского этногенеза и засилье псевдонаучной яфетической теории происхождения и развития языка, определившей основное направление языкознания в СССР с конца 1920-х гг. до 1950 г.

Разумеется, это не означает, что санскрит в принципе не привлекался российскими этимологами. Все основные этимологические словари русского языка содержат на него ссылки, но зачастую они представляют собой по сути побочный продукт общего индоевропейского языкознания, а не являются резуль-

татом целенаправленного и масштабного сравнения славянского и индоарийского лексических массивов. Кроме того, ссылки на санскрит разбросаны по разным словарям и словарным статьям. Транслитерация санскритских слов часто не стандартизирована, а вместо общепринятых словарных форм глагола (корень или основа без флексии) иногда даются только формы третьего лица единственного числа, а для существительных — формы именительного падежа. Всё это затрудняет работу исследователей, тем более что отсутствует единый и довольно полный стандартизированный корпус таких соответствий. Когда единственный сравнительный санскритско-русский словарь издают не в России, а в Индии [Lekha 2007]; когда отнюдь не лингвист, но историк и этнограф Наталья Романовна Гусева, составляет самый полный (хотя и с многочисленными неточностями и ошибками) единый список санскритско-русских соответствий [Гусева 2002: 290–310], — подобное положение дел нельзя признать нормальным.

Нужно упомянуть и о другой немаловажной стороне вопроса. Наука, как и природа, не терпит пустоты, и если какой-либо её аспект не получает должного освещения, это пространство заполняется в лучшем случае дилетантскими, а в худшем — и чаще всего — антинаучными сочинениями. Чтобы в этом убедиться, достаточно набрать в интернете «русский и санскрит». Пренебрежительное отношение профессиональных лингвистов к этой теме, так живо интересующей российское общество, только подогревает интерес к псевдонаучным теориям и даже создаёт ложное впечатление о существовании вокруг неё некоего заговора молчания. Предлагаемый вниманию читателей опыт создания единого корпуса русско-санскритских соответствий призван в значительной мере решить эти вопросы.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ И ФОНЕТИКА САНСКРИТА

Латинская транслитерация

Подробное описание системы древнеиндийского письма не входит в задачи данной работы. Довольно детально она представлена, например, в «Грамматическом очерке санскрита» А.А. Зализняка [Зализняк 1996]. Для целей научного исследования обычно пользуются транслитерацией. Систем транслитерации древнеиндийского слогового письма «деванагари» латиницей существует несколько, но в научных работах принято использовать «Международный алфавит транслитерации санскрита (International Alphabet of Sanskrit Transliteration, IAST)», представленный в таблице 1.

Деванагари	IAST	Деванагари	IAST	Деванагари	IAST	Деванагари	IAST
अ	a	ऌ	ḷ	ट	ṭa	भ	bha
आ	ā	अं	m̐	ठ	ṭha	म	ma
इ	i	अः	ḥ	ड	ḍa	य	ya
ई	ī	क	ka	ढ	ḍha	र	ra
उ	u	ख	kha	ण	ṇa	ल	la
ऊ	ū	ग	ga	त	ta	व	va
ए	e	घ	gha	थ	tha	श	śa
ऐ	ai	ङ	ṅa	द	da	ष	ṣa
ओ	o	च	ca	ध	dha	स	sa
औ	au	छ	cha	न	na	ह	ha
ऋ	r̥	ज	ja	प	pa		
ॠ	r̄	झ	jha	फ	pha		
ऌ	ḷ	ञ	ña	ब	ba		

Таблица 1. Транслитерация деванагари латиницей (IAST)

Кажущееся необычным по сравнению с русским обилие фонем в древнеиндийском письме объясняется тем, что издревле все гимны и сочинения предавались из поколения в поколение устным путём, а письменность появилась относительно поздно. Её изначальной задачей было передавать как можно детальнее и точнее все звуки и нюансы устной речи. По этой причине письмо деванагари

представляет собой, в сущности говоря, фонетическую транскрипцию, передающую не только сами фонемы, но и их аллофоны.

Фонетика санскрита

Как и в случае с системой древнеиндийского письма, нижеприведённые краткие сведения не претендуют на детальное описание всех аспектов древнеиндийской фонетики. Основная их цель — помочь широкому кругу читателей более точно произносить санскритские слова, даваемые в словаре.

Фонетическое соответствие сходных звуков русского и санскрита

Современное звучание санскрита, практикуемое в Индии, сильно зависит от фонетики родного языка говорящего. Большая часть фонем санскрита, реконструируемых на основании подробнейших описаний их артикуляции древними грамматиками, довольно близко соответствует русским. В таблице 2 даются примерные соответствия основных фонем русского и санскрита в стандартной системе Международной фонетической ассоциации (International Phonetic Association, IPA).

Гласные

Как видно из нижеприведенной таблицы 2, санскритские гласные *a*, *i*, *u* схожи с русскими по звучанию, но они были краткими и долгими. Краткие гласные можно условно сравнить с русскими безударными *a*, *u*, *y*, тогда как долгие *ā*, *ī*, *ū* — с русскими ударными гласными, но произносимыми с меньшим силовым ударением и несколько более протяжённо. Гласные *o* и *e* в санскрите похожи на русские ударные *ó* (как в *оба*) и *э́* (как в *это*, но менее открытое). Исторически они возводятся к индоевропейским дифтонгам **au* и **ai*, **ei*.

В санскрите представлен полный ряд йотированных гласных: *ya*, *yā*, *yu*, *yū*, *ye*, *yo*, *yi*, также различаемых по краткости и долготе. Как и в русском, это не полноценные дифтонги, поскольку йотирующий компонент в них сливается с гласным, как бы образуя с ним единое целое. Дифтонги *ai*, *ei* — вторичного происхождения и морфологически являются комбинациями гласных с полугласными *a + v* и *a + y*. Они произносятся примерно как английский [au] в *now* и [ai] в *mine* соответственно.

К гласным в санскрите относят и особый класс слоговых согласных *r̥*, *r̄* и *l̥*, *l̄*, хотя в действительности это аллофоны сонорных согласных *r* и *l*, произносимых более продолжительно и способных образовывать слог. В европейской традиции принято произносить *r̥* и *r̄*, как [ri]/[riy] (отсюда *Rigveda* от санскритского *ṛgveda*), в реальности их звучание было, вероятно, ближе к [rə] и [re], примерно как русское *p* в позиции перед другим согласным (например *мудрствовать*). Что касается слоговых согласных *l̥* и *l̄*, то первый встречается очень редко и сравним с [l] в английском *table*, а *l̄* совсем не встречается и, вероятно, был создан для придания симметричности системе письма.

Кириллица	IAST	Русский IPA	Санскрит IPA	Кириллица	IAST	Русский IPA	Санскрит IPA
Гласные				Согласные			
а	a	[ɐ] [ə] [ʌ]	[ɐ] [ə]	б	b	[b]	[b]
á	ā	[a] [ɑ]	[ɑ:]	в	v	[v]	[v]
и	i	[ɪ]	[i]	г	g	[g]	[g]
й	ī	[i]	[i:]	д	d	[ɖ]	[ɖ]
у	u	[ʊ]	[u]	ж	j	[ʒ]	[dʒ]? [ʃʒ]?
ý	ū	[u]	[u:]	з	z	[ʒ]	–
е	e	[e]	[e]	к	k	[k]	[k]
э	e	[ɛ]	[e:]	л	l	[ɭ]	[ɭ]
о	a	[ɐ] [ə]	[o]	м	m	[m]	[m]
ó	o	[o]	[o:]	н	n	[ɳ]	[ɳ]
ы	–	[ɨ]	–	п	p	[p]	[p]
ы	–	[ɨ]	–	р	r	[r]	[ɽ]? [ɽʰ]?
Полугласный				с	s	[ʃ]	[ʃ]
й	у	[j]	[j]	т	t	[ʈ]	[ʈ]
Йотированные				ф	–	[f]	–
я	ya	[jɐ]	[jə]	х	h	[x]	[ɦ]?
я́	yā	[ja]	[ja:]	ц	–	[tʃ]	–
ю	yu	[jʊ]	[ju]	ч	c	[tʃ]	[tʃ]? [tʃʃ]?
ю́	yū	[ju]	[ju:]	ш	ṣ	[ʃ]	[ʃ]
é/e*	ye	[je]	[je:]	щ	ś	[ʃ:]	[ʃ]
ë	yo	[jo]	[jo:]				

(*) В начале слова.

Таблица 2. Приблизительное (упрощённое) фонетическое соответствие гласных и согласных звуков русского и санскрита (без церебральных и придыхательных)

Имеется также полугласный *y*, передающий «йот» [j], примерно соответствующий русскому *й* в слове *май*. В древнеиндийской традиции полугласными считаются также *r*, *l* и *v*.

Согласные

Санскрит почти полностью сохранил реконструируемую индоевропейскую систему шумных смычных согласных. Как видно из таблицы 2, большинство

из них довольно точно соответствует русским согласным. Близость эта обусловлена отчасти схожей артикуляционной базой. Некоторые различия в звучании вызваны тем, что, в отличие от русского, в санскрите средняя и средне-задняя части языка принимают меньшее участие в артикуляции, а передняя часть языка и его кончик используются более активно.

	Шумные смычные				Сонанты		Шумные фрикативные	
	глухие		звонкие					
	простые	придыхат.	простые	придыхат.	носовые	простые	глухие	звонкие
Гортанные							ḥ	h
Заднеязычные	k	kh	g	gh	ṅ			
Палатальные	c	ch	j	jh	ñ	y	ś	
Церебральные	ṭ	ṭh	ḍ	ḍh	ṇ	r	ṣ	
Зубные	t	th	d	dh	n	l	s	
Губные	p	ph	b	bh	m	v		

Таблица 3. Санскритские согласные (адаптация) [Зализняк 1996: 789]

В целом произношение простых санскритских согласных не представляет для русскоговорящих больших трудностей, но в системе санскритской фонетики есть два класса согласных, не имеющих аналогов в русском. Санскрит — с некоторыми изменениями, вызванными процессами палатализации и прочими — сохранил полный ряд взрывных придыхательных согласных, реконструируемых для индоевропейского языка: *gh*, *dh*, *th*, *bh*, *kh* с добавлением палатализированных *jh*, *ch*. Артикуляционно, эти согласные соответствуют простым, но к ним добавляется легкое придыхание, похожее на слабый английский звук *h*.

Особый класс являют церебральные согласные. При их произношении кончик языка немного загибается назад и контакт с нёбом происходит его внутренней кромкой. В транслитерации принято передавать эти согласные с точкой под буквой: *ṭ*, *ḍ*, *ṇ*, *ṣ*, *r* (последний вероятно звучал примерно, как английский *r*). Специфический оттенок производимых таким образом звуков несколько напоминает звучание соответствующих русских мягких согласных. Два звука из ряда церебральных имеют придыхательные соответствия: *ṭ* — *ṭh*, *ḍ* — *ḍh*. Носовые звуки *ṅ*, *m* схожи с русскими, а *ñ* можно сравнить с русским мягким *н'*, произнесённым в нос примерно как в слове *каньон*.

Гортанные звуки представлены звонким шумным фрикативным *h* (исторически связанным с праиндоиранским **ǵh* < **ǵʰ* — рефлексом индоевропейского **ǵʰ*), звучащим близко к чешскому *hora*, а также глухим *ḥ*. Последний называется в санскритской терминологии *visarga*, в переводе «высвобождение, выдох». Обычно принято произносить его, как своего рода эхо предыдущего гласного. Например *aḥ* в слове *damaḥ* (им. п. ед. ч. 'дом, жилище') произносится как [eḥ^v],

а *iḥ* в *gatiḥ* (им.п. ед.ч. ‘проход; дорога, путь’) как [ih¹] и т.д. с несколько более энергичным выдохом.

Ударение

В ведийском языке ударение было подвижным — могло приходиться на любой слог, хотя и следовало определённым закономерностям, и тоническим — ударный слог произносился несколько выше, чем безударные слоги. Ведийское подвижное тоническое постепенно утратилось и перестало указываться уже в классическом санскрите. Поскольку почти все древнеиндийские произведения создавались в метрической форме, сформировалась сложная система просодических ударений.

В словаре ударение указывается только в словах, засвидетельствованных в ведийском языке. В остальных случаях в русской традиции принято при произношении санскритских слов применять традиционное академическое латинское правило: в двусложных словах ударение приходится на первый слог, а в многосложных — на предпоследний, если этот слог долгий, или на третий слог с конца, если предпоследний краткий.